

Отражение мотивов и образов, относящейся к водной стихии, в поэзии Николая Рубцова и Иосифа Бродского

Полторацкая А.Ю.

Важную роль в формировании мироощущения и художественного становления двух великих поэтов второй половины XX века – Николая Рубцова и Иосифа Бродского сыграл Север, оказавшийся культурной и духовной питательной средой их творчества.

Судьба обоих поэтов тесно связана с Русским Севером: Николай Рубцов родился в селе Емецке Архангельской области, почти всю жизнь прожил на Вологодчине; Иосиф Бродский посещал северные «широты», принимая участие в геологических партиях, а в 1964 г. был сослан в деревню Норинскую Коношского района Архангельской области.

Образы и мотивы, так или иначе связанные с Русским Севером как началом сакральным, находят разнообразное отражение в творчестве обоих поэтов и во многом обуславливают внутреннее родство их художественных миров.

В первую очередь Рубцова и Бродского роднит особое мировосприятие, в основе которого лежит романтическая модель сознания, концепция романтического двоемирия, романтическая концепция личности. Источником, обусловившим романтическое мироощущение, присущее обоим поэтам, во многом послужил для них Русский Север.

Интересным предметом для исследования являются мотивы и образы, составляющие литературные перекички Рубцова и Бродского, связанные с водной стихией и нередко проникнутые духом Русского Севера.

Пристрастие к морской стихии (как в творчестве, так и в жизни) сближает обоих поэтов.

Николай Рубцов, мечтавший стать моряком еще в отрочестве, в 1950 году пытается поступить в мореходное училище в Риге, потерпев неудачу из-за своего возраста, спустя несколько лет около года ходит на траловом судне кочегаром, с 1956 по 1959 годы – служит на эсминце «Острый» в качестве матроса на Северном флоте. Морская тематика волнует его на протяжении всего творческого пути, находя отражение в таких стихотворениях, как «Море» («В базу лодка вернулась с ученья...»), «Ты с кораблем прощались...», «Счастье», «Утро на море», «Гордость», «Море» («Вечно в движении, вечно волна...»), «На рейде», «Песня» («Катятся волны по морю...»), «В дозоре», «Долг», «Волнуется южное море», «Морская служба», «Хороший улов» и др.

После седьмого класса Бродский, одержимый страстью к морю, тоже пытался поступать во Второе Балтийское училище, тоже не был принят, и тоже, спустя время, около года ходит матросом на корабле. Водная стихия весьма важна для Бродского, в чем он неоднократно признавался в своих стихах, эссе, интервью:

Море гораздо разнообразнее суши.

Интереснее, чем что-либо.

Изнутри, как и снаружи. Рыба

интереснее груши.

(«Новый Жюль Верн»)

Любопытны поэтические ассоциации Бродского, относящиеся к морской стихии:

И только корабль не отличается от корабля.

Переваливаясь на волнах, корабль

Выглядит одновременно как дерево и журавль,

Из-под ног у которых ушла земля.

(«Новый Жюль Верн»)

Поэт говорил о российском флоте как об одном из важнейших достижений отечественной истории^[1], а Андреевский флаг считал самым лучшим: «По сей день я полагаю, что страна только выиграла бы, имея она символом нации <...> флаг: косой синий крест на девственно белом фоне»^[2].

Одним из излюбленных городов Бродского была Венеция, за счет обилия воды напоминая ему Ленинград. Поэт неоднократно признавался в том, что не мыслит свое существование вдали от воды. Водная среда являлась для него необходимой, питающей воображение (будь то Нева, столь любимая им Венеция или другие водные пространства – моря, океаны, озера, ручьи, фонтаны, вода, «замурованная в кране», а также стакан газировки и лимонада).

Для Николая Рубцова, в художественной системе которого, как и у Бродского, очень многое связано с водной стихией, жизнь без моря представлялась невыносимой, пресной, теряющей смысл:

<...>

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил... –
пишет он в стихотворении «Фиалки».

В стихотворении «Утро на море» Рубцов, описывая взволновавшую его морскую стихию, вводит в художественную ткань лермонтовские обороты (примечательно, что традиция М.Ю. Лермонтова – самого яркого русского романтика – оказала существенное влияние на творчество обоих поэтов и отразилась в нем):

<...>

Проснись с утра
со свежестью во взоре
Навстречу морю окна отвори!
Взгляни туда, где в ветреном просторе
ИГРАЮТ ВОЛНЫ в отблесках зари.

<...>

Заря в разгаре –
как она прекрасна!
И там, где **парус реет над волной**,
Встречая день мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!

«К морю нельзя равнодушным не быть...», – пишет Рубцов в стихотворении «Море» («Вечно в движении, вечно волна...»).

Романтическое восприятие морской стихии, шторма, созвучное Лермонтову, оказывается весьма близким Рубцову и отражено в ряде его стихотворений:

<...>

В море среди непокоя
Робких людей не найдешь.
(«Песня» («Катятся волны по морю»))

В стихотворении «На рейде» звучит искреннее восхищение поэта штормом:

<...>

Эй вы, штормы!
Всколыхните
Моря зыбистую грудь!
Этот же мотив отражен в стихотворении «Счастье»:
Если зорче смотришь взатемь
И волнение в груди,
Значит тихий берег сзади,
Море, буря – впереди...

В стихотворении «В дозоре» поэт «очеловечивает» океан:

<...>

... ВОЛНЫ...

<...>

Ходили,
словно мускулы,
буграми
По океанской
выпуклой груди.

В ранней лирике Рубцова, посвященной морской теме, романтические мотивы сплетаются с гражданскими:

Море с громом, и метелью,
И с утесами во мраке –
Вечно будет колыбелью
Флотской силы и отваги.

(«Гордость»);

<...>

И там, где сила духа на пределе,
Где шторм встает преградой
кораблю,
Я должен, должен доказать на
деле,
Что сердцем всем я Родину
люблю.

(«Долг»).

Мотив гражданского долга находит воплощение также в раннем стихотворении Бродского «Баллада о маленьком буксире». Он появляется с первых строк и реализуется двояко: с одной стороны, будучи заложен в самом образе буксира – лирического героя баллады, выполняющего свою функцию, в частности, функцию спасения (что весьма близко духу поэта, буксир Бродского символически исполняет роль поэта, несет его героический новаторский подвиг – самоходного судна среди застоявшихся грузов «второсортной эпохи»), с другой, – посредством скрытых идей активного романтического противостояния сильной личности – косному, жестко регламентированному государству, догмам «дикой державы»:

Я буксир.

Я работаю в этом порту.

<...>

Я обязан остаться
Возле этой земли.

<...>

Остаюсь, не жалея,
Там,
Где нужен другим.

Наряду с автобиографическим моментом, характерным для поэтики Бродского и Рубцова, имеющим место и в этом стихотворении (лирический герой – буксир – максимально автобиографичен и во многом подобен лермонтовскому Парусу – ярчайшему в русской поэзии романтическому символу), в нем присутствует и ряд других мотивов, близких поэзии Рубцова и Бродского.

Один из них – мотив нехватки времени, связанный с обилием работы на флоте, охарактеризованный словом «АВРАЛ»: в «Балладе о маленьком буксире» лирический герой, представляя экипаж, с взволнованно-торжественной интонацией говорит:

<...>

Это боцман,
а это матросы.
Сегодня **аврал**.

В стихотворении «Морская служба» Рубцов с теми же интонациями (что подчеркивается ощущением добровольного принятия героем флотской жизни со всеми ее особенностями, создающим тоже определенную переключку с балладой Бродского: герою Рубцова сложности «морской службы» – «по духу», Бродскому – «по нутру») говорит о специфике службы на судне:

Все вы привыкли
к слову **аврал**
Это по духу то же,
Что и могучий девятый вал...

...

В том и романтика
без прикрас,
Что до конца от начала
В буднях горячих
служба у нас
Вся как **порыв аврала!**

В стихотворении «Хороший улов» Рубцова тоже звучит этот мотив:

У тралмейстера крепкая глотка –
Он шумит, вдохновляя **аврал!**

Еще одним важнейшим мотивом, сближающим обоих поэтов, является скрытый мотив изгнанничества, тесно связанный с мотивом преодоления границ: лейтмотивом в балладе Бродского является печальное сожаление о трагической невозможности Маленького Буксира проникнуть в другие сферы бытия, будь то политические водные границы с другими государствами, или миры высшего порядка:

<...>

я, объятый туманом
с головы и до пят,
отхожу от причала
и спешу в темноту,
потому что корабль
появился в порту.
Он пришел к нам сюда
из-за дальних морей,
тех, где мне никогда
не бросать якорей.
Пересек океан –
и теперь он у нас.

Здесь, возможно, речь идет о трагической разобщенности людей, невозможности встречи с любимой (что имеет автобиографический подтекст) – наряду с мотивом (имеющим место у Бродского, Рубцова и Лермонтова) – потери родины. Этот мотив фактически оборачивается мотивом скрытого изгнанничества, нарочито маскируемого поэтом в добровольное принятие лирическим героем своей участи. Именно невозможность свободного перемещения в пространстве, к которому герой устремлен всей душой, придает балладе трагическое звучание; при этом немаловажно, что «океан» осмысливается героем как «родной», что тоже сближает его с художественным сознанием Лермонтова и Рубцова:

<...>

... А когда я плыву
вдоль причалов домой...

<...>

говорят корабли:
– До свиданья, дружок!
– До свиданья, ребята,

прощайте, друзья,
не жалеете, не надо,
мне за вами нельзя!
Уплывайте из дома
в белый утренний свет,
океану родному
передайте привет.
Не впервой расставаться,
исчезайте вдали.
Я обязан остаться
возле этой земли.

В стихотворении Николая Рубцова «Старпомы ждут своих матросов» подобным образом обыгрывается тот же мотив:

Никем по свету не гонимый,
Я в этот порт явился сам
В своей любви необъяснимой
К полночным северным судам.

Но это лишь иллюзия лирического героя: его добровольный выбор оказывается вынужденным: как отметил Н. Коняев[3], «любовь «героя» к полночным северным судам» в действительности оказывается вполне объяснимой, объяснима она прежде всего бездомностью, бесприютностью поэта. Таким образом, фактически, лирический герой Рубцова, как и Бродского «гоним, но все-таки не изгнан...»[4].

Наряду с этим, на мой взгляд, эту «любовь» в первую очередь можно объяснить и романтическим мироощущением поэта, близким Иосифу Бродскому.

Ранее упомянутый мотив преодоления границ, релевантный в поэзии Бродского, главным образом проявляется в «Балладе о маленьком буксире» посредством лирического героя – самого буксира, пребывающего в морском пространстве и одновременно скованного трагической невозможностью свободного перемещения, в отличие от лермонтовского Паруса. Контрастной антитезой в этом отношении буксиру, лишенному возможности свободного перемещения, вопреки своему желанию, выступают облака – символы вечной свободы, как у Бродского, так и у Лермонтова; вольные перемещаться в любом направлении или «отдыхать» тогда, когда захотят:

<...>

На рассвете, когда облака еще спят,
я объятый туманом
с головы и до пят,
отхожу от причала
и спешу в темноту...

В стихотворении Рубцова «Утро перед экзаменом» наряду с «геометрической» организацией образов в художественном пространстве (что также роднит его с поэзией Бродского), образ облака символизирует вечную свободу:

И в пространстве
Ветреном и смелом,
Облако –
Из дивной дали гость –
Белым, будто выведенным мелом,
Знаком бесконечности
Неслось...

Особое внимание привлекает сходное описание пейзажа у Бродского, Рубцова и Лермонтова: двух планов – гигантских плоскостей моря и отражающейся в нем нависающей

бездны неба; можно говорить даже об аллюзии, отсылающей к стихотворению «Парус», трансформированной цитате:

Подо мною вода.
Надо мной небеса.
Между ними
Буксирных дымков полоса, –
читаем у Бродского;
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.
Рубцов также прибегает к контрастному описанию двух плоскостей – моря и неба:
<...>

Над палубой эсминца
Качается свинцовый небосклон.
А волны, волны, волны
Вереницами
Стремительно бегут со всех сторон.
(«Долг»)

Поэт наделяет описание и аллегорическим смыслом, также связанным с идеей романтического двоемирия и концепцией Платона:

Мир небес душа имеет,
А под ним – стихия волн.
Их совет над снами реет
И всегда раздоров полн!
В небесах – что свято было
На волнах, что вдруг дано.

Как было отмечено, Буксир Бродского является самым лирическим героем, максимально автобиографичным, выразителем авторского сознания.

«Корабль» как метафора, наделенная более абстрактным смыслом, отражен в стихотворении Рубцова «Поэзия» («Сквозь ветры поющий полет...»):

<...>
Корабль моей жизни плывет
По морю любви и поэзии.

В таком же метафорическом абстрактно-расширительном смысле поэт возводит философские универсалии и проводит аллегории в стихотворении «Жизнь – океан, волнуемый скорбями...», в котором имеют место созвучные Лермонтову философские идеи:

Жизнь – океан, волнуемый
скорбями,
Но ты всегда не робкий был
пловец,
Ты скован был вселенскими
цепями,
Но лучших чувств ты был всегда
певец!

Как и в «Балладе о маленьком буксире» Бродского в некоторых стихотворениях Рубцова образ корабля представляется олицетворенным (живым), уподобление происходит по принципу сближения лирического героя с кораблем, на основании чего последнему придаются свойства, присущие живому человеку. Так, в стихотворении «По холодной осенней реке» поэт проводит аналогию между лирическим героем и кораблем:

По холодной осенней реке
Пароход последний плывет, –
Скоро, скоро в глухом городке

Зазимует районный флот.
Я уйду по знакомой тропе
<...>

Зазимую без всяких забот,
Как зимует у пристани флот...

Таким образом, здесь присутствует сопоставление процесса «зимовки» человека и корабля.

В стихотворении «Ты с кораблем прощались...», в котором отражены романтические мотивы отношения лирического героя к морской стихии, Рубцов использует метонимию: прощаясь с кораблем, подразумевается, что женщина прощается в первую очередь с героем.

Образ одинокого буксира, наделенный этой семантикой, отражен в ряде стихотворений Бродского: «Стансы городу», «Письма к стене», «С февраля по апрель». Как и Рубцов, Бродский использует прием остранения, благодаря чему буксир выступает в качестве его двойника.

Пример иной связи образов человека и корабля есть в поэме Лермонтова «Моряк» («Отрывок»), в которой герой (а не наоборот!) уподобляется кораблю, ощущая, как и в стихотворениях Бродского и Рубцова, роковую спаянность с ним; при этом, как и в рассмотренных выше примерах, иллюстрирующих связь поэтического сознания Бродского и Рубцова – с художественным видением Лермонтова, лирический герой находится между двух стихий – водной и небесной:

<...>
Я был меж небом и волнами,
На облака я вниз глядел...

Лирическим двойником героя и в некотором смысле его творческим продолжателем выступает образ-символ «пароходик» в стихотворении Бродского «Витезслав Незвал».

В художественном сознании Бродского и Рубцова интересен образ баржи и, шире, «реки с баржой», символически ассоциирующейся с Жизнью. Баржа как метафора жизненного процесса выступает в стихотворении Бродского «От окраины к центру»; в стихотворении Рубцова «Волнуется южное море» этот образ символизирует идею судьбы, как и в стихотворении «Грани».

К образам и мотивам, связанным с водной стихией в поэзии Рубцова и Бродского, наряду с рассмотренными, относятся следующие: образ портовых огней и огней пароходов («Возвращение из рейса», «Портовая ночь» Н. Рубцова, «От окраины к центру», «Посвящается Ялте» – у Бродского и др.), образ пристани, символизирующий жизнь, такой трогательный символический образ как «кораблик углый» («Море» («Морской простор необычаен...»)) – Рубцова, «Описание утра» – Бродского), образ парома («На перевозе» – Рубцова, «В деревне никто не сходит с ума...» – Бродского), образ трески («В океане» («Забрызгана крупно и рубка и рында...»)) – у Рубцова, «Колыбельная Трескового мыса», «Новый Жюль Верн» – у Бродского), образ волн как хранителей памяти («Море» («В базу лодка вернулась с ученья»)) – Рубцова, «Петербургский роман», «Реки», «Темза в Челси» – Бродского), образы двух судьбоносных рек в жизни обоих поэтов – Невы и Сухоны («На реке Сухоне», «Ветер с Невы» – Рубцова, «Румянцевой победам», «Петербургский роман» и др. – Бродского); любопытен мотив тонущего корабля, затонувшего флота («Твой локон не свивается в кольцо...», «Новый Жюль Верн» – у Бродского, «Бессонница», «Ночь на перевозе» – у Рубцова и др.).

Возвращаясь к теме тесного переплетения биографических моментов с мотивами творчества у обоих поэтов, любопытно отметить буквальное совпадение словесных формулировок.

В одном из программных стихотворений Бродский, подводя некоторые жизненные итоги, полученные к сорока годам, говорит:

Я <...>
жил у моря, играл в рулетку...

<...>

(«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»)

В стихотворении Рубцова «Родное море» поэт вспоминает:

Я жил у моря с самого рождения.
И с той поры, когда мальчишкой был,
С неотразимым чувством восхищенья
Я безотчетно море полюбил.

Как видно из приведенных примеров, тема воды, моря, водной стихии вообще – оказывается весьма важна для обоих поэтов. В творчестве Рубцова и Бродского содержится множество переключек, так или иначе связанных с этой темой.

Весьма значимо то, что оба поэта пронесли мотивы, связанные с водной стихией, сквозь все свое творчество; они фигурируют в поэзии Рубцова и Бродского как в ранний, так и в поздний период. Оба поэта в стихотворениях зрелого периода усиливают философский символический элемент семантики «морских» образов. Так, для Бродского «море» оказывается своего рода «выходом» из абсурдного лабиринта бытия:

Приехать к морю в несезон,
помимо матерьяльных выгод,
имеет тот еще резон,
что это – временный, но выход
за скобки года, из ворот
тюрьмы.

(«С видом на море»)

В стихотворении «Реки» поздний Бродский делает подобное признание:

<...>

... я предпочитаю воду,
хотя бы пресную. Вода – беглец от места,
предместья, набережной, арки, крова,
из-под моста...

В стихотворении-рассуждении Николая Рубцова «Почему мне так не повезло?» волны и океан понимаются в метафорическом смысле; поэт угадывает свой жребий и рассуждает о нем, прибегая к водным образам:

Почему мне так не повезло?
По волнам, давно уже усталый,
Разгонюсь – забуду про весло,
И тотчас швырнет меня на скалы!

<...>

Почему мне так не повезло:
Все же я своей не веря драме,
Все стремлюсь, хватаясь за весло,
В океан, волнуемый страстями.

Литература

[1] Бродский И. Эссе Полторы комнаты // кн. Сочинения Иосифа Бродского, т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 1999 г., с. 328 – 329.

[2] Бродский И. Там же, с. 329.

[3] Коняев Н. Николай Рубцов // М., 2006 г., с. 48.

[4] Бродский И. Петербургский роман.